

ОСОБЕННОСТИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв. В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО РАЗВИТИЯ*

В наши дни, как полтора века назад, в российском обществе идут споры о путях вхождения страны в мировое экономическое и политическое пространство. В этих спорах, как это нетрудно видеть, обсуждаются весьма схожие ключевые темы: Россия и Запад, экономическая модернизация и политическая либерализация. Вместе с тем контекст дискуссий, конечно, существенным образом изменился. Если еще столетие назад Запад для России олицетворялся преимущественно наиболее развитыми европейскими державами — Англией, Францией и Германией, то ныне речь идет об адекватном включении нашей страны в сложную структуру глобализирующегося мира. Тем не менее, Запад, путь и в более широком смысле — как совокупность стран с наиболее развитыми структурами рыночной экономики, с наибольшими достижениями в области науки и высоких технологий, с развитыми либерально-демократическими режимами — выступает для современной России приблизительно таким же ориентиром, каким для нее была Западная Европа в середине XIX в.

Любопытно также, что период великих реформ, в который Россия вступила с 1860-х гг., в международном плане во многом напоминал нынешнюю глобализацию. Такие факторы, как бурный рост мировой торговли, вывоз капитала, введение золотого стандарта, стремительное развитие торгового флота и железных дорог, возникновение огромных колониальных империй, показывают, что с середины XIX и до начала XX в. мир явно двигался в направлении глобализации. Основной тон в этом процессе задавала Англия — наиболее развитая в то время страна в экономическом и политическом отношении. «Впервые европейская экономика, потеснив другие, стала претендовать на доминирующую роль

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (российско-украинский проект «Феномен свободы в условиях глобализации»).

в мировой экономике и отождествляться с нею в мире, где любые препятствия отступали вначале перед англичанином, а затем перед европейцем. И так продолжалось вплоть до 1914 года»¹. После Первой мировой войны это движение прервалось, началась драматическая эпоха диктатур и тоталитарных режимов, раскола мира по идеологическим, военным и экономическим блокам.

В данной работе ставится задача проанализировать судьбу экономических преобразований и ценностей либерализма в России в контексте общеевропейского процесса модернизации. Однако обычный модернизационный подход дает лишь весьма приблизительную картину переноса и адаптации капиталистических институтов, столкновения ценностей модернизации и традиционализма в тогдашней России. Поэтому важным представляется показать, во-первых, что «Запад» как некое собирательное понятие в то время реально выступал набором разных образцов развития для России, во-вторых, что в стране в существенной степени проявлялось то, что ныне называют «зависимостью от траектории развития». Эта зависимость проявляется в том, что предпосылки модернизации и либерализации различаются по странам, что они обусловлены историей и культурой определенной страны. Такой подход позволяет лучше проследить общее и особенное в судьбе российского либерализма, понять причины того, что путь к экономической и политической свободе в нашей стране был трагически прерван в начале XX в.

Российская модернизация: от либерализма к марксизму

Бурный рост экономического могущества стран Западной Европы, их активное продвижение в незападные регионы сделал невозможным для большинства мира прежнее развитие. Многие великие государства — Китай, Османская империя, Япония — пытались защититься от проникновения разрушающего, как им казалось, западного влияния тем, что создавали на его пути максимально возможные барьеры. Однако попытки сохранить свои прежние политические и хозяйственные уклады за такими стенами мало кому удавались, поскольку западное влияние было не только империалистической или торговой экспансией, но и вызовом истории.

Россия в XIX в. принимала этот вызов в весьма специфических условиях. Ряд факторов позволяли российскому обществу,

по крайней мере его верхним слоям, считать страну европейской державой. Это и последствия преобразований Петра I, и ориентированная просветительскими идеями политика Екатерины II, сопровождаемая военными успехами в европейском регионе, и наконец, впечатляющая победа в союзе с западными странами над Наполеоном. И в экономическом плане послепетровская Россия показала определенные успехи и до определенной поры не выглядела безнадежно отставшей от западноевропейских стран. Конечно, она отставала по уровню развития экономики от Англии и Голландии, но многим другим странам она не уступала. Известно, например, что по выплавке чугуна Россия во второй половине XVIII в. занимала ведущее место в мире, обгоняя в этом даже Англию, которая в это время уже вступила в промышленную революцию. Однако хозяйственные достижения страны определялись в основном ее огромными ресурсами, а главное обеспечивались экономическими структурами, существенно отличающимися от тех, которые существовали в европейских странах. Играющие главную роль казенные мануфактуры по-прежнему использовали крепостной труд. Крестьянские мануфактуры возникали вне городов, а их хозяева все еще оставались крепостными. В отличие от Западной Европы, где среди предпринимателей росло число дворян, российские дворяне, за редкими исключениями, не занимались промышленной деятельностью. Основная часть русских предпринимателей формировалась из крестьян и посадских людей, однако они сталкивались с нехваткой свободных трудовых ресурсов, поскольку законом лицам недворянского происхождения запрещалось покупать крестьян для своих предприятий.

Поэтому можно утверждать, что к началу XIX в. в России был достигнут максимально возможный уровень развития производства на основе такой «полуазиатской» системы хозяйства. Но этот путь был тупиковым, и Россия стала быстро отставать от переходящего к капиталистической системе Запада.

Осознание этого факта заставило многих русских философов и историков искать причины отставания России. Наряду с лежащими на поверхности — монгольским завоеванием и затянувшимися крепостными порядками — в этом поиске был прояснен целый ряд факторов, которые определяли ее «зависимость от траектории развития» и препятствовали ее органично-

му включению в семью европейских народов, несмотря на то, что со времен Бориса Годунова все правители страны так или иначе стремились продвигаться в сторону Западного мира. Рассмотрим кратко главные из этих препятствий либерализации и модернизации экономической жизни в том виде, как они выделялись и представителями западничества, и славянофильства.

Многие из них полагали, что важным препятствием модернизации страны являются сложившиеся в России отношения собственности². Страны Западной Европы унаследовали от Римской империи понятие частной собственности, опирающееся на хорошо развитую юридическую основу. Собственность имела самостоятельное значение и не обязательно отождествлялась с властью. Многовековая культура частной собственности отработала такое качество хозяйствующей личности, как индивидуализм и экономический рационализм, что было важно не только для личности, но и для экономической жизни в целом.

Россия в отличие от Запада не имела римских понятий собственности. История сложилась так, что начавший развиваться институт частной собственности в Киевской Руси был замещен в дальнейшем нерасчлененностью собственности, слиянием власти и собственности, прежде всего — центральной для крестьянской экономики России собственности на землю. Феномен «власти-собственности» оказал очень существенное влияние на отношение к этому институту вообще и наложил и на него нравственно-этический отпечаток. Русскому человеку было свойственно убеждение «правда выше принципа собственности».

Другое важное отличие усматривалось в том, что в западноевропейских странах социальная структура формировалась преимущественно снизу на основе учета взаимных привилегий и обязанностей различных слоев общества, что вело к постепенной либерализации форм правления. В России организация общества происходила в основном сверху.

Очень важное отличие России состояло в слабости инфраструктуры, необходимой для буржуазных преобразований. На Западе такой инфраструктурой выступал прежде всего город. Там, как отмечал С.М. Соловьев, город разбогател и освободил село. Хотя в России в отдельные исторические периоды роль городов была достаточно велика (Киевская Русь, Северо-Восточная

Русь, Псков, Новгород), но их существование не стало магистрально экономического развития России, оно также во многом было подорвано феодальной раздробленностью и монгольским нашествием. При этом города складывались не как центры ремесла и торговли, а создавались прежде всего как опорные пункты власти. В результате в докапиталистическом развитии страны отсутствовала стадия развитого городского хозяйства.

Об этом коренном отличии европейской истории от русской очень хорошо написал выдающийся русский экономист М.И. Туган-Барановский: «Средневековый город, цеховое ремесло были почвой, из которой выросла вся цивилизация Запада, весь этот в высшей степени своеобразный общественный уклад, который поднял человечество на небывалую культурную высоту. Город создал новый общественный класс, которому суждено было занять первенствующее место в общественной жизни Запада — буржуазию. Достигнув экономического преобладания буржуазия стала и политически господствующей силой и вместе носительницей культуры и знания... Историческое развитие России шло совершенно иным путем. Россия не проходила стадии городского хозяйства, не знала цеховой организации промышленности — и в этом заключается самое принципиальное, самое глубокое отличие ее от Запада, отличие, из которого проистекали, как естественное последствие, все остальные. Не зная городского хозяйственного строя, Россия не знала и той своеобразной промышленной культуры, которая явилась отправной точкой дальнейшей хозяйственной истории Запада»³.

В России также гораздо более существенную роль, чем в западных странах, в экономической жизни играло государство. Особенно это заметно с эпохи Петра I. При этом государство и правящая элита, всегда в хозяйственной жизни преследовали собственные интересы, связанные прежде всего с усилением военной мощи страны и с международной торговлей. Это необходимо учитывать при рассмотрении проблемы экономического своеобразия России. Так, интерес к международной торговле с Европой приводил постоянной борьбе за доступность морских путей торговли как параметру, имеющему государственное значение. Отсюда стремление «прорубить окно в Европу» на Балтике, регулярные войны с Турцией за проливы. Развитие внутреннего рынка меньше бес-

покоило власть, в результате экономическая активность «верхов» и «низов» часто оказывалась разнонаправленной.

Россия очень отличалась от стран Запада по своим размерам и характеру заселения своих обширных пространств. Нужно отметить, что на этот факт обращали внимание многие русские мыслители, полагая, что это повлияло на российскую ментальность, а через это и на традиции хозяйствования. Вот что пишет об этом известный философ Ф. Степун⁴. Он отмечает, что четыре века после освобождения от монгольского ига русский народ жил делом расширения Российского государства. В результате этого Россия от царя к царю все шире раздвигалась на север и восток, на юг и на запад, не встречая естественных препятствий своему быстрому росту. За четыреста лет территория России увеличилась в 36 раз. Труд по расширению державы был громаден, но он не был тем, что под «трудом» понималось в Западной Европе. Этот не было упорной, систематической работой по окультуриванию приобретаемых пространств. В результате получалась безрадостная картина: редкая сеть дорог, скупо разбросанные города и деревни, убогие бревенчатые избы. Постоянный колониционный размах России, прилив хлебородных равнин, которые приходилось наспеш заселять, лишал народ не только необходимости, но и возможности тщательного труда на земле. В результате столетиями создавался стиль малокультурного хозяйствования на земле. Этот стиль не мог не влиять на все стороны народной жизни. Русский крестьянин дожил до XX в., не войдя в привычное общение с машиной, которая на Западе произвела переворот экономики, отделили по сути две эпохи: религиозной культуры средневековья и новоевропейской цивилизации. Машины производят рационализацию мышления, они вносят в массы точное знание и экономический расчет. Степун считает, что если бы русские крестьяне к концу XIX века превратились в просвещенных собственников и культурных фермеров с дизелями и тракторами, то последующая история страны имела бы другой характер.

Точкой перехода от идейных споров между западниками и славянофилами о необходимости модернизации страны к практической реформа стало поражение России в Крымской кампании. Это был своего рода «момент истины», который позволил многим избавиться от иллюзий в оценке реального положения

России. Ее устарелый парусный флот мало что мог противопоставить вошедшим в Черное море английским и французским парходам. Рационально организованная и вооруженная современным оружием западная армия достаточно легко одолела русское войско. Это поражение наглядно показало степень отсталости России. В результате заключения в 1856 г. в Париже унижительного мирного договора России было запрещено держать флот на Черном море, она утратила дунайские земли. Международному престижу страны был нанесен колоссальный урон, рухнула вера в национально-государственную исключительность страны, в правильность ее внутренней политики, исходившей из принципа «Запад нам не указ». Все это заставило вступившего на престол Александра II приступить к либеральным реформам, которые должны были привести Россию в западный мир.

Ход и содержание политических и экономических реформ в России второй половины XIX в. хорошо известен. Поэтому сосредоточимся на вопросе о том, какие варианты идеологии были востребованы для оправдания и стимулирования либерализации и индустриализации страны. На наш взгляд, если учесть все сказанное об историческом своеобразии России и затянувшейся отсталости ее экономики, то даже использованная выше модель «запаздывающей модернизации» представляется слишком слабой для ответа на поставленный вопрос. Как представляется, многое становится на свои места, если исходить из общего представления о России второй половины XIX в. как о «развивающейся стране»⁵. В том значении этого понятия, которое используется ныне для обозначения стран «третьего мира», вставших на путь экономической модернизации, перехода к рыночным отношениям и овладения достижениями современной технологии.

На первый взгляд такая аналогия кажется неприемлемой, понижающей уровень развития российского общества. Ведь Россия никогда не была колонией, более того, она сама по сути проводила колониальную политику, многократно расширяя свою территорию. В России были, хотя и очень тонкие европеизированные социальные слои, в отличие от типичных последующих «развивающихся стран» в ней, по крайней мере в столичных центрах, развивались литература и искусство, существовали университеты и другие институты развитой цивилизации. Однако нельзя пони-

мать развивающееся общество просто как бедное или переставшее быть колонией. Например, колонией не была и Япония, несколько позже России вступившая на путь модернизации и также относящаяся к первым в истории «развивающимся обществам».

Характеристика страны как «развивающегося общества» связана с определенными внешними и, что важнее, внутренними структурами и факторами. К внешним факторам относится то, что это общество вступает в интенсивные контакты со странами, осуществившими индустриализацию капиталистического типа, освоившими новые технологии и перестроившими свою экономику на основе развитых рыночных отношений. В странах, успешно совершивших модернизацию, создается база ускоренного развития, поэтому другим обществам, стремящимся модернизироваться и не отстать от них, крайне трудно устранить существующий разрыв или добиться его уменьшения. Что касается внутренних факторов, то в развивающихся обществах неизбежно возникает глубокий внутренний разрыв между достаточно развитыми социальными и экономическими институтами (которые в той или иной форме «импортируются» извне и потому выглядят чуждыми) и весьма отсталыми, традиционными формами жизни и хозяйства. При этом новые формы, как правило, распределены локально, что порождает противоречия между немногими продвинутыми центрами и отсталой периферией остальной страны. Все эти разрывы приводят к низкой интеграции общества, что сдерживает развитие страны, лишая его поддержки многих слоев общества. Как представляется, Россия второй половины XIX в. во многих чертах укладывается в такое понимание развивающегося общества.

Такой подход позволяет точнее уяснить характер происшедших в ней процессов. В частности, более выпукло предстают особенности идеологического сопровождения процессов экономической модернизации, поскольку именно эти объективные, неизбежно возникающие противоречия порождают особые формы идеологии, которые нетипичны для более развитых европейских стран, осуществлявших переход к индустриальному капитализму на более органичной основе. Хотя и там, как это было показано выше, в зависимости от исходного состояния стран требовались отличавшиеся от классического либерализма идеологии, в условиях российской отсталости для «смазки»

идейных колес модернизации требовалась гораздо более радикальная идеология, чем во Франции или Германии.

Конечно, можно задать вопрос: почему российское общество само не осознавало себя в то время в качестве развивающегося? Однако это верно только отчасти. Постоянно обсуждаемые русской социально-философской мыслью вопросы «Восток–Запад», «Россия и Европа», как это нетрудно теперь видеть, вовсе не специфичны только для России, но типичны для многих современных стран ставших на путь модернизации. Учения славянофилов и западников в этом плане выступают в качестве типичных идеологий расколотого «развивающегося общества». Первые выражают консервативно-охранительное отношение к сложившимся традиционным формам жизни и хозяйства. Вторые призывают следовать по пути уже совершивших буржуазные преобразования и индустриализацию стран. Разумеется, что нужно учитывать и тот факт, что Россия по сути была исторически первой развивающейся страной, и какого-то связного комплекса социально-философских понятий для описания этого феномена в то время еще не существовало.

Несмотря на то, что в середине XIX в. еще не сложилось органичной почвы для либеральной идеологии классического типа, голос западной либеральной мысли прозвучал достаточно сильно. После конфуза в Крымской компании, слово «либерализм» получило полноправное гражданство, стало лозунгом многих образованных и здравомыслящих людей в России. Необходимость политических и экономических реформ в духе подлинного либерализма проповедовали с университетских кафедр К.Д. Кавелин и Т.Н. Грановский. Самый видный русский либерал XIX в. Б.Н. Чичерин в 1855 г. писал о либерализме так: «Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений. Это слово, которое способно образовать могущественное общественное мнение, если мы только стряхнем с себя губящую лень и равнодушие к общему делу. Это слово, которое изгонит из нас внутреннюю порчу, которое дает нам возможность стать наряду с другими народами и с обновленными силами идти по тому великому пути, которого залог лежит в высоких доблестях русского народа»⁶.

К сожалению, прогнозам Б.Н. Чичерина не суждено было сбыться. Либерализм не стал ни знаменем, ни могущественной

идеологией, которая стимулировала развитие общества. Его судьба в дореволюционной России оказалась незавидной, различные сторонники либерального пути действовали разобщенно и потому и мало влияли на устроения тех социальных групп, которые стремились осуществить или вовлекались в процессы модернизации.

Проследивая историю либерализма в дореволюционной России, В.В. Леонтович основную беду этого движения видел в том, что на рубеже XIX–XX вв., когда оно могло реально повлиять на устойчивость курса на либерализацию страны, не смогло выработать единой платформы⁷. Выдающиеся государственные деятели тогдашней России Витте и Столыпин в этот период поставили задачу сделать Россию европейским государством в экономическом и социально-политическом отношениях. Во многом их либеральные экономические реформы в этом направлении приносили свои плоды. Однако в своей политике они не получали поддержки от других существовавших в то время либеральных движений и партий. Речь идет о земских либералах и особенно о возникшей после 1905 г. Партия народной свободы (конституционные демократы). Хотя лидеры этой партии, в частности П.Н. Милюков, часто бывали в Англии и даже в США, и на словах настаивали на избрании в качестве эталона англосаксонский тип политической системы, на практике они делали принципиальные уступки коллективистскому либерализму, патерналистской ответственности государства за благосостояние народа, а в практическом отношении спасовали в решающий момент перед социалистами.

Здесь следует отметить, что возобладавшее во второй половине XIX в. западничество включало в себя не только либералов, но и социалистов всех мастей, верящих в то, что можно сделать исторический бросок в новый мир так или иначе минуя капитализм. Но эта вера была быстро вытеснена «научным социализмом» — марксизмом. И именно марксистская идеология, как это ни странно, в условиях российской отсталости стала в последние десятилетия XIX в. наиболее влиятельной идеологией капиталистической модернизации в российской среде. В это время влиятельным пропагандистом капиталистического развития страны выступил родоначальник русского марксизма Г.В. Пле-

ханов. Позднее столь же убежденно о развитии капитализма в России писал В.И. Ленин. Да и происходящие вокруг процессы наглядно свидетельствовали о неуклонной поступи капитализма. Марксизм позволял русской интеллигенции смириться с приходом капитализма в страну и разрушением ее прежней социалистически-народнической веры в общину и артель, поскольку это учение представляло капиталистическую индустриализацию как результат железных законов исторического развития. Именно эта связь объясняет власть, которую приобрела марксистская идеология в России. Она поначалу повлияла на многих людей, чье мировоззрение в целом было чуждым идеям марксистского социализма — Булгакова, Франка, Бердяева, Струве, Милюкова и многих других. В 1902 г. П.Б. Струве, уже отошедший от марксизма все же писал, что «русский марксизм «оправдал» капитализм в прямой полемике не только с народничеством, но и со всею почти официальной наукой и дал объяснение исторической необходимости капитализма в России»⁸.

Таким образом, интеллигенция, как тот социальный слой, от которого можно было ждать идеологической поддержки либерализации страны, не выполнила этой задачи. Ряд оригинальных и влиятельных философов предпочел рациональному и «плоскому» либерализму богатую идеями метафизику всеединства и историософию В.С. Соловьева, которая выстраивала весьма далекую от либерального направления «русскую идею». Но наиболее влиятельной и массовой среди тогдашней российской интеллигенции стала не изощренная метафизика всеединства, а более простая и действенная западная социалистическая идеология. В марксистском учении многие тогда видели науку, которая открывает путь к построению подлинно свободного общества. Вера в социализм превратилась в среде радикальной интеллигенции в суррогат религии. Об этом хорошо написал известный философ Н.О. Лосский: «О русской интеллигенции второй половины XIX века говорят, что она была наиболее атеистическою. Это неверно: она была действительно наиболее внецерковною, но это не значит, что она была атеистическою... У русских революционеров, ставших атеистами, вместо христианской религиозности явилось настроение, которое можно назвать формальной религиозностью, именно страстное, фанатическое стремление

осуществить своего рода Царство Божие на земле, без Бога, на основе научного знания»⁹. Н.А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» подчеркивает в дополнение к этому, что среди главных интересов русской интеллигенции всегда были вопросы равенства и уравнительного распределения, ее мало интересовало то, какие механизмы лежат в создании экономического богатства общества¹⁰.

В результате не либерализм, а принципиально противостоящая ему марксистская идеология выполняла в российской экономической модернизации идейную функцию, схожую с той, какую играл сен-симонизм во французской индустриализации. Однако в учении французского идеолога «индустриализма», как отмечалось, главная миссия в индустриализации отводилась не объективным законам развития производительных сил, а энергии и знаниям промышленных предпринимателей, коммерсантов и банкиров. Они изображались подлинными героями своего времени, поэтому общество должно было смириться с концентрацией в их руках крупных капиталов и власти. В противоположность этому в российской среде под влиянием марксистской идеологии мало кто видел в новом классе предпринимателей-капиталистов социальных лидеров, которые призваны руководить развитием общества на его пути к «Золотому веку». Поэтому отстаивание объективной необходимости капиталистического пути России вполне логично сопровождалось тем, что позднее Л. Мизес удачно назвал «антикапиталистической ментальностью»¹¹.

В среде радикальной российской интеллигенции антикапиталистическая ментальность выражалась в «теоретической» критике, которая усиленно укореняла в обществе представление о промышленниках и предпринимателях как эксплуататорах, присваивающих прибавочную стоимость. В свете этих представлений предпринимательская деятельность представляла как эксплуатация народа, паразитическое обогащение за счет большинства нации, как занятие безнравственное, если не преступное. В результате и в более широких слоях общества складывалось непонимание прогрессивной роли предпринимательства, было типично отношение к ним в повседневном массовом сознании как к «толстосумам» и «буржуям». Известный российский историк С.С. Ольденберг в этой связи приводит ряд харак-

терных свидетельств, подтверждающих, что «русское общество имеет сильное предубеждение против предпринимательской деятельности». Он пишет о широком распространении в обществе убеждений, что «честнее быть агрономом на службе землевладельческого земства, чем землевладельцем, статистиком у промышленника, чем промышленником»¹².

Отражением влиятельности антикапиталистической ментальности может служить то обстоятельство, что при весьма впечатляющих успехах российской экономической модернизации конца рубежа XIX–XX вв., при масштабной социальной и меценатской деятельности тогдашних предпринимателей во всей тогдашней русской литературе трудно найти какие-либо положительные образы русских капиталистов. Между тем литература в то время оказывала очень сильное воздействие на российское общество. Многие юноши и девушки из образованных слоев российского общества под ее влиянием оказывались в различных революционных кружках, сыновья купцов и промышленников отказывались продолжать семейное дело. Причем в русской литературе отрицательное отношение к фигурам капиталистических предпринимателей было характерно не только для писателей, принадлежащих к направлениям т.н. «социальной литературы», но и для великих мастеров художественного слова. У них мы тоже не находим добрых слов о русских капиталистах. Об этом хорошо сказал писатель Д. Гранин: «Многие ли сегодня знают о прогрессивной многогранной роли таких представителей делового мира, как Путилов, Елисеевы, Морозов, Мамонтов, Рябушинские. А ведь они были зачинателями новой культуры производства и труда. Выйдя на историческую арену, они проявили себя и как страстные поборники быстрого интеллектуального, культурного, нравственного развития страны. При их гуманной меценатской помощи строились научные институты, больницы, дома призрения, церкви, библиотеки, другие культурные учреждения. В том, что мы до сих пор обкрадываем эту часть исторической памяти, отчасти повинна и наша литература. Тургенев, Гончаров, Толстой, Чехов не признавали в общем-то делового человека в качестве подлинно духовной, нравственной личности. Невольно читатель отдает предпочтение, скажем, Обломову, а не Штольцу. Мне кажется, для подъема

так необходимой нашему обществу трудовой активности, преодоления апатии, иждивенчества, поднятия профессионализма целесообразно более разносторонне представить, показать делового человека зарождавшегося в России капитализма. Мы можем найти опору в прошлом, реабилитировав людей с деловой хваткой, которые должны были прорываться сквозь завесу общественного непонимания»¹³.

В результате такой массивной критики капиталистической деятельности и в самой среде предпринимателей не было уверенности в социальной праведности своей жизни и деятельности, в незыблемости права собственности на накопленные ими капиталы. В крайних формах это проявлялось в существовании в среде русских предпринимателей чувства «неоплатного долга», заставлявшего некоторых из них даже финансировать революционные организации, боровшихся за уничтожение основ их собственного бытия. В иной форме это выражалось в чувствах «стыда своего богатства». Предприниматели начинали считать свою деятельность низменной, если не преступной. Как отмечал Н.А. Бердяев, «русский купец, который нажился нечестным путем и сделался миллионером, склонен был считать это грехом, замаливал этот грех и мечтал о монашестве. Поэтому купец был плохим материалом для образования буржуазии западноевропейского типа»¹⁴.

В итоге можно сказать, что хотя российские предприниматели в процессе экономической модернизации выполняли тот же спектр функций, что и их западноевропейские коллеги, их деятельность не получила должного идеологического оправдания, которое мог дать только теоретически продуманный и хорошо укоренившийся в обществе либерализм. В результате, говоря словами философа С.Л. Франка, в России создалась такая ситуация, когда сами собственники не имели «собственного мировоззрения», бескорыстной и сверхличной веры в святость принципа собственности¹⁵. Особенно это проявилось в годы Первой мировой войны. В это время, как отмечал известный промышленник П.П. Рябушинский, «частное предпринимательство, благодаря которому расцвела экономическая жизнь в России к 1913 г., в момент кризиса ассоциировалось у народа с бандой спекулянтов, наживающихся на народном горе»¹⁶.

В результате в 1917 г. российская буржуазия оказалась в изоляции от народа, она оказалась неспособной консолидироваться на основе единого мировоззрения и в итоге проявила неспособность защитить себя, а вместе с тем и развитие страны по цивилизованному пути. Тот же Рябушинский объяснял причину этого следующим образом: «Российская буржуазия, численно слабая, не была в состоянии выступить в ответственный момент той регулирующей силой, которая помешала бы идти событиям по неверному пути... Вся обстановка прошлого не способствовала объединению в наступивший роковой момент, стихийная волна жизни перекатилась через всех нас, смяла, размела и разбила»¹⁷.

Таким образом, либеральное мировоззрение не было укоренено в сознании достаточно широких слоев, оно не смогло побудить к защите социальных и экономических свобод сколь угодно значительную часть российского общества. В этом плане российский либерализм оставался в основном теоретическим явлением. Он не смог убедительно обосновать необходимость социального союза, а тем более реально сплотить различные социальные слои, как это случилось в Англии. Помимо прочего, причина этого состояла в слабости институтов и традиций гражданского общества. Вместе с тем судьба либерализма в России все же не дает оснований для вывода о его врожденной несовместимости с политической и экономической жизнью страны. По сути либерализм — естественный спутник модернизации общества. И если в России он был оттеснен на задний план, то причины этому, помимо общеевропейской увлеченности социалистическими идеями, состоят также в том, что процесс модернизации шел неорганично и принимал, в одной стороны, усеченные, а с другой — насильственные формы.

Необходим ли либерализм в современной России?

В России судьба понятий «либерализм», «либерал», «либеральный» была на удивление злосчастной. Мало у кого хватало духа прибавлять различные негативные оценки к слову «свобода», но «либерализм» в массовом сознании тесно ассоциируется с такими эпитетами, как «гнилой», «мягкотелый», «фальшивый» и т.п. Советское кино и литература вылепили свой

трафаретный образ русского либерала — суетливого и говорливого субъекта в пенсне, мигом замолкающего при грозном окрике «человека с ружьем». Этот шлейф негативных ассоциаций, конечно, не способствовал популярности и адекватному восприятию либеральных идей. Уже в последние два десятилетия, после краткого выдвигания на авансцену политической жизни современной России нескольких молодых «либералов», в общественном сознании «либерализм» оказался однозначно связанным с гайдаровской «либерализацией цен», обесцениванием сберегательных вкладов и резким обнищанием простого народа. Окончательно запутала сознание российского обывателя «либерально-демократическая партия», популистские лидеры которой уже многие годы дискредитируют саму суть слов «либерализм» и «демократия».

Поэтому, когда спорят о приемлемости либеральной политики и экономического либерализма в современной России, нередко высказывается мнение, что либеральная политика подходит только западным странам, и то лишь немногим из них. Мы же не должны следовать этой западной модели, поскольку еще Макс Вебер убедительно доказал, что это модель подходит лишь англо-саксонским протестантским странам.

Тем не менее, превращать либерализм в некоего козла отпущения, на которого вешаются все недостатки современного российского общества, нет никаких оснований. Правильно понятому либерализму нет никаких реальных альтернатив. Об этом говорит и мировой, и российский исторический опыт. Когда Россия вступала на путь либеральных реформ, это неизбежно вело к экономическому росту. Так, в XIX в., несмотря на застой в его первой половине и благодаря либеральным реформам второй половины столетия среднегодовые темпы прироста внутреннего валового продукта в России были примерно в полтора раза выше, чем в мировой экономике. А в XX в., несмотря на гигантские усилия и жертвы народа в периоды ускоренной индустриализации, коллективизации, строительства «материально-технической базы коммунизма», темпы экономического развития страны оказались приблизительно вдвое ниже общемировых¹⁸.

При осмыслении этих цифр приходит на ум аналогия, что плановая экономика похожа на автомобиль, который может ез-

доть только на первой скорости, — резко стартовать, но потом безнадежно отставать от соперников. Либеральная же экономическая система медленно трогает с места, но по мере развития приобретает все новые импульсы для своей динамики. Начав либеральную модернизацию в середине XIX в. с архаического состояния экономики, Россия к 1913 г. добилась вполне достойной позиции, когда по валовому производству страна занимала 5-е, по душевому производству 23-е место в мире, а по темпам развития опережала большинство самых развитых стран. Сойдя же с либерального пути экономического развития, к концу XX в. Россия опустилась на 101-е место по душевому производству.

Именно либеральные экономические реформы, постепенное включение российской экономики в европейские рыночные структуры, привели к значительным экономическим успехам в конце XIX—начале XX вв. Полувековой период либеральных реформ в исторической перспективе предстает одним из наиболее цельных периодов истории России и ее взаимоотношений с западным миром. От противостояния Западу Россия перешла к союзу с ним, что привело не только к экономическому росту, но и к развитию научных, технических и культурных связей. В начале XX в. российская наука, особенно такие ее отрасли, как химия, биология и физиология, вышла на передовые позиции в мире. Русские ученые получали Нобелевские премии, их ценили в лучших лабораториях европейских университетов. В это время начали проявляться инженерно-технические таланты русского народа. На это же время приходится краткий «серебряный век» российской культуры — блестящий взлет русской поэзии и литературы, музыки, живописи, театра.

Существует книга известного русского социолога Н.С. Тимашева «Великое отступление»¹⁹, которую он написал в эмиграции, в годы работы в Гарвардском университете. В этой книге он на основе анализа динамики экономики и социально-политической структуры российского общества в 1890–1913 гг. доказывал, что, не будь революции 1917 г., Россия к 1940-м годам вошла бы в круг наиболее развитых стран, которым присущи такие характеристики, как передовые технологии, всеобщее благосостояние, лидирующая роль науки и образования, развитые структуры гражданского общества, открытость к международ-

ному сотрудничеству и т.п. При этом «великим отступлением» он назвал отход России от либерального пути развития, когда в результате революции были пресечены эти вполне реальные перспективы. Тимашев признавал, что большевикам все же удалось осуществить индустриальную революцию, но ценой огромных жертв и разрушения с таким трудом формировавшихся в прежней России структур правового государства и гражданского общества. Конечно, не бывает истории в «сослагательном наклонении», старый путь не может быть пройден вновь, однако успешный опыт либерального развития страны не должен предаваться забвению.

Вместе с тем, проделанный сравнительный анализ либерализации и экономической модернизации показывает, что предпосылки успешного перехода к развитой рыночной экономике различаются по странам. Не существует ни типичного доиндустриального общества, ни типичного капитализма, поэтому не может быть и единой модели модернизации. Но это не означает, что учет исторических и социокультурных особенностей страны или, иными словами, ее «зависимости от траектории развития» закрывает дорогу для каких-либо обобщений. Так, за последнее столетие в мире произошел целый ряд успешных трансформаций незападных традиционных обществ, создавших высокоразвитые структуры индустриального капитализма. Речь идет о Японии, Тайване, Северной Корее, Гонконге, Сингапуре, к которым подтягиваются и некоторые другие восточноазиатские страны. В терминах модернизационной теории эти трансформации описываются как новый, «второй вариант» капиталистической модернизации²⁰. В этих странах, особенно на первых этапах их развития, в существенно большей степени, чем в первом, западном варианте модернизации, удалось сохранить традиционные ценности коллективности, культурной идентичности при одновременном активном освоении западных технологий. И тем не менее, их путь развития является лишь «вариантом» либеральной модернизации, показывающим как можно оптимальным образом использовать культурные традиции и институциональные структуры, которые исторически сформировались до начала движения в «капиталистическую современность». Нетрудно видеть, что эта картина далека

от тех утопических построений, которые рисовали, например, русские славянофилы, предпочитавшие говорить о множестве сосуществующих цивилизаций, движущихся какими-то особыми, несопоставимыми друг с другом путями.

В конечном счете, и англичане, и китайцы, и россияне придерживаются одних и тех же фундаментальных ценностей — они хотят жить в достатке, владеть собственностью и быть свободными. Чтобы иметь все это, как свидетельствует экономическая теория, мировой и российский опыт необходимо иметь развитую рыночную экономику, предоставить людям экономические свободы и не препятствовать развитию гражданского общества. При этом развитие свободы должно осуществляться постепенно и на основе исторически сложившегося морального и культурного наследия.

Примечания

- ¹ Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 109.
- ² Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993.
- ³ Туган-Барановский М.И. Интеллигенция и социализм // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 419–420.
- ⁴ Русская философия собственности... СПб., 1993.
- ⁵ Подобную трактовку России XIX в. как развивающейся страны обосновывает известный английский социолог и специалист по России Т. Шанин (См.: Shanin T. Russia as a «developing society». L., 1985).
- ⁶ Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. М., 1975. Вып. 2. С. 111.
- ⁷ Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1993.
- ⁸ Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997. С. 10.
- ⁹ Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 250–251.
- ¹⁰ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991.
- ¹¹ Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.
- ¹² Ольденберг С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 309.
- ¹³ Гранин Д. Историческая память обновляющегося общества // Новый мир. 1990. № 8. С. 15.
- ¹⁴ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 119.
- ¹⁵ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1997. С. 56.

¹⁶ Петров Ю.А. Павел Павлович Рябушинский. Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 119.

¹⁷ Там же. С. 152.

¹⁸ Илларионов А. Экономическая свобода и благосостояние народов // Вопросы экономики. 2000. № 4. С. 85.

¹⁹ Timacheff N. The Great Retreat. N.Y., 1946.

²⁰ Бергер П. Капиталистическая революция. М., 1994.